

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-93-98

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ НА ПОЭЗИЮ ИЛЬСИЯР ИКСАНОВОЙ

© Гульнур Габдуллина

MARINA TSVETAYEVA'S INFLUENCE ON ILSIYAR IKSANOVA'S POETRY

Gulnur Gabdullina

This article analyzes philosophical and romantic motifs in the poetry of Marina Tsvetaeva and Ilsiyyar Iksanova. The poetry of Ilsiyyar Iksanova, a representative of the romantic trend in modern Tatar poetry, is an understudied topic today. The purpose of our study is to identify the originality of philosophical motifs and symbols in I. Iksanova's works against the background of the work by M. Tsvetaeva. In her early lyrical poetry, referring to the work by the Russian poetess Marina Tsvetaeva, Ilsiyyar Iksanova determined the vector of her poetry. The article analyzes the intimate lyrical works by the modern Tatar poetess, revealing the features of the existential picture of the world in the work of M. Tsvetaeva and I. Iksanova. Scientific research indicates that the existential concept of the world is recreated in the works of I. Iksanova through the motifs of fate, love, death and loneliness. The conclusion is made about the influence of M. Tsvetaeva's creative work on I. Iksanova's poetry. These existential motifs in the works of the poetesses, belonging to different literatures and periods, are consonant, but not identical. In M. Tsvetaeva's work, loneliness is an opportunity to get to know oneself. I. Iksanova, purposefully using existential motifs, comes to a refutation of loneliness and death, her lyrical heroine comes to the knowledge of the truth through love and humility. Philosophical motifs in the work of the poetesses have tied Russian and Tatar poetry of different periods together.

Keywords: Russian literature, Tatar literature, Marina Tsvetaeva, Ilsiyyar Iksanova, existential principle, romanticism, poetry, death motif

В данной статье дается анализ философских и романтических мотивов в поэзии Марины Цветаевой и Ильсияр Иксановой. Поэзия Ильсияр Иксановой, представительницы романтического направления современной татарской поэзии, на сегодняшний день является малоизученной темой. Цель исследования – выявление своеобразия философских мотивов и символов в произведениях И. Иксановой на фоне творчества М. Цветаевой. В ранней лирике обратившись к творчеству русской поэтессы Марины Цветаевой, Ильсияр Иксанова определила вектор своей поэзии. В статье анализируется интимная лирика современной татарской поэтессы. Выявляются особенности экзистенциальной картины мира в творчестве М. Цветаевой и И. Иксановой. Научные изыскания свидетельствуют о том, что экзистенциальная концепция мира воссоздается в произведениях И. Иксановой через мотивы судьбы, любви, смерти, одиночества. Делается вывод о влиянии творчества М. Цветаевой на поэзию И. Иксановой. Экзистенциальные мотивы поэтесс разных литератур и периодов созвучны, но не тождественны. В творчестве М. Цветаевой одиночество – это возможность познать себя. И. Иксанова, целенаправленно используя экзистенциальные мотивы, приходит к опровержению одиночества и смерти, лирическая героиня поэтессы идет к познанию истины через любовь и смирение. Философские мотивы в творчестве поэтесс связали русскую и татарскую поэзию разных периодов воедино.

Ключевые слова: русская литература, татарская литература, Марина Цветаева, Ильсияр Иксанова, экзистенциальное начало, романтизм, поэзия, мотив смерти

Для цитирования: Габдуллина Г. Влияние творчества Марины Цветаевой на поэзию Ильсияр Иксановой // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 93–98. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-93-98

Начало XX века и в русской литературе ознаменовалось широким распространением философских идей, авангадных течений. Взаимодействие приемов романтизма и «проникшего в рус-

скую литературу экзистенциального мироощущения» [1, с. 12] век назад и сегодня имеет свое продолжение, развитие, трансформируясь и адаптируясь к новым условиям.

По мнению исследователей, ключевые мотивы философской лирики Марины Цветаевой (1892–1941) имеют ярко выраженную «экзистенциальную природу» [2, с. 3].

Первые поэтические тексты современной татарской поэтессы Ильсияр Иксановой (1964) были написаны под влиянием творчества Марины Цветаевой. В начале творческого пути Ильсияр Иксанова, сравнив себя с русской поэтессой первой половины XX века М. Цветаевой, в посвященном ей стихотворении пишет:

«Синең жаның мина күчкән мәллә,
Бер үк жанмы әллә икебезгә...» [3, с. 25]. –
«Твоя ль душа во мне воплощена,

Душа одна на нас двоих, не так ли?» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. Г.).

Характерные для лирики М. Цветаевой романтические мотивы, философское, экзистенциальное начало нашли отражение на раннем этапе поэзии И. Иксановой.

Справедливости ради здесь отметим, что поэзия Ильсияр Иксановой стала более известна широкому кругу читателей на стыке веков, когда поэтесса вплотную обратилась к теме смерти. После внезапной трагедии в семье ее стихи с выраженным экзистенциальным началом становятся, подобно цветаевской лирике, «воплощением системы философских и художественных взглядов» [2, с. 6].

По мнению О. О. Надикто, мотив смерти у М. Цветаевой как главного пограничного состояния позволяет поэту приблизиться к понимаемой экзистенции: «Мотив смерти, как центрообразующий в системе экзистенциальных мотивов включает в себя образные элементы других составляющих данной системы [Там же, с. 7].

В стихотворении, посвященном М. Цветаевой, И. Иксанова обращается к мотиву смерти, используя образы кладбища, березы, рябины, капины и мотив бессмертия души:

«Зираттагы кипкән жиләк исе...
Каен моңы – жанны тетрәткән.
Безнең жаннар тормыш чылбырында
Еллар аша бара беррәттән» [3, с. 25]. –
«Запах высохших ягод, плач березы
в кладбище гнетет меня.
Души наши в мире тленном
Рядом навсегда».

Экзистенциальное начало в ранней лирике И. Иксановой появляется как отклик мотивам

поэзии М. Цветаевой. Лирическое «я» Иксановой выражает глубокую боль, вспоминая горькую судьбу русской поэтессы:

«Синең язмышыңның ачылыгы –
Иренемә тамган күз яшемдә» [Там же]. –
«В моих губах – слеза от боли,
От горечи твоей судьбы».

Исследователи отмечают, что «интерес к экзистенциальной доминанте у М. Цветаевой появляется чрезвычайно рано: уже в юношеских произведениях она постоянно пишет о смерти» [2, с. 16]. Влюбленная в поэзию русской поэтессы, И. Иксанова еще в ранней лирике: в стихотворениях «Ай калды» («Луна померкла») и др. – выражает боль от осознания конечности бытия («Зиратта» («На кладбище»)), желание победить грусть, вызванную мыслями о неизбежности смерти, силой любви и красоты («...Мин тумыштан сагыш белән туган» («...С болью я с рождения живу»)), силой любви к родной земле («Ай калды» («Луна померкла»)).

По мнению литературоведа Д. Ф. Загидуллиной, творчество И. Иксановой получило оценку как чувственная женская поэзия, особая отмеченная любовной и интимной лирикой. [4, с. 145]. Анализируя приемы изображения мира поэтессы, Д. Ф. Загидуллина отмечает, что в ее поэзии ярко проявлены черты «романтизма восточного типа» [Там же, с. 132]. Действительно, ранней лирике И. Иксановой присуще в первую очередь романтическое начало. В интимной лирике ранней Иксановой преобладают образы судьбы («Юрамагыз язмышымны» («Не гадайте мне на судьбу»)), «Үзгәртә алмам» («Не в силах изменить я»)), жизненного пути («Юл арасы гына...», («Лишь через дорогу...»)), одиночества («...Алдашасым килә үз-үземә...» («...Солгать хочу себе»)), души («Китү» («Уход»)), «Халәт» («Ощущение»)), времени («Тукта, вакыт» («Остановись, время»)) и др. Таким образом, романтическое мироощущение поэтессы имеет экзистенциальный окрас.

Влияние творчества М. Цветаевой в стихотворениях, написанных 1980–90-е годы, заметно в мотивах фатализма. Для начала обратимся к стихотворению «Не в силах изменить я»:

«Үзгәртә алмам тормышны,
Тормышның кануннарын» [3, с. 37]. –
«Не в силах изменить я
Законы бытия».

Но в то же время лирическая героиня не исключает свободный выбор, ответственность за собственную жизнь:

«Язмышым – ак кәгазьдер дә,
Язарга үземәдер.
Гадәти булмас ул язмыш,
Мин үзгә, үземә бер» [Там же]. –
«Моя судьба – моя дорога,
Пишу ее я с чистого листа.
Судьба моя тем и необычна,
Что я другая, такая я одна».

В стихотворении «...Алдашасым килә үз-
үземә...» («...Солгать хочу себе») И. Иксанова
также обращается к мотиву фатализма, рассмат-
ривающего каждое событие как неотвратимую
реализацию изначального предопределения:

«Ышанасым килә бу дөньяга
Тып-тыныч бер караш ташларыма.
Тик ышана алмыйм...
Ул тынычлык
Язмагандыр язмыш ташларыма» [Там же, с. 56]. –
«Как верить хочется, что лишь раз
Взгляну на этот мир спокойно.
В покой не верится однако,
Иная мне дорога суждена».

В стихотворении «Ышандыр» («Убеди») ли-
рическая героиня обнаруживает, что не в состоя-
нии гармонизировать себя с окружающим ее ми-
ром:

«Кешеләргә ышанычым жуйдым.
Туйдым.
Синнән – дөнья.
Яшәү – синнән!
Гөл исеннән.
...Салкын кочагына суырып алды
Ялгызлык!» [Там же, с. 38]. –
«Потеряла веру я в людей...
Я устала.
Жить устала.
Мир мне чужд!
Благоуханье сада мне не мило.
...Вмиг мне стало
Одиноко, холодно. Устала».

В поэзии И. Иксановой, как и в творчестве
М. Цветаевой, мотив одиночества, отчужденно-
сти плавно переплетается с мотивом смерти, но,
в отличие от лирической героини Цветаевой, у
Иксановой уход в себя отнюдь не спасение. Ее
героиня не приемлет одиночества, она постоянно
в поиске близкого человека, готового разделить с
ней все. В этом своеобразие экзистенциального
мотива Иксановой.

В стихотворении «Кешең булсын икән»
 («Родная мне душа нужна») лирическая героиня
выражает желание найти близкого по духу чело-
века, боль от одиночества, она не в силах радо-

ваться жизни одна. Желание иных ощущений –
скушать по близкому, любить, пусть издали – за-
ставляют романтическую героиню горевать:

«Жавап бирмәсә дә,
Үзе килмәсә дә,
„Син“, – дип эндәшергә,
„Кил“, – дип чакырырга,
Өзелеп сагынырга
Кешең булсын икән,
Кешең булсын икән...» [Там же, с. 90]. –
«Пусть не отвечает мне, не надо.
Не приходит пусть, не жду.
Душа родная мне нужна –
До боли тосковать хочу!
Лишь просто звать она нужна: «Приди!»
И просто знать, что это ты!
Родная мне душа нужна,
Душа родная быть должна...»

В стихотворении «...Мин тумыштан сагыш
белән туган» («...С болью я с рождения живу») ли-
рическая героиня уверенно заявляет о предопре-
деленности судьбы и о необходимости сми-
рения. И здесь мотив боли И. Иксановой отлича-
ется от цветаевской истинно экзистенциальной
картины мира. Лирическая героиня вернулась в
мир тленный, дабы прожить вновь всю боль ро-
ждения и смерти.

Лирическая героиня молодой Иксановой
ощущает конечность бытия, бренность жизни,
она обращается к божественному с надеждой и
любовью.

«Бәлки өнсез булып минем моңым,
Ләкин аны күкләр ишетер.
Жирне сагынып янган Зөһрә кыз
Минем жанны үзенә иш итәр» [Там же, с. 28]. –
«Возможно, грусть моя иная,
Но небеса услышат непременно.
Луна, так любящая тоже Землю,
Душу полюбит мою тленно».

Лирическая героиня, рано осознавшая и сми-
ренно принявшая истину бытия, заявляет, что
состояние грусти – это постоянная ее жизненно-
го пути, который предопределен.

Но осознание бренности жизни, ставшее
ключевым философским мотивом поэзии моло-
дой И. Иксановой, позже наполняется более глу-
боким содержанием.

Интимная лирика поздней И. Иксановой по-
священа конкретному лицу. В романтических
стихотворениях, изданных в сборнике, посвя-
щенном мужу поэтессы Ильдару Гарипову под
названием «Син – язган язмышым» («Ты – судь-
ба моя»), любовь констатируется гармони-
зирующим началом всего. Вера в любовь становит-

ся первым шагом к познанию смысла жизни. Стихотворения в сборнике переведены на русский язык Р. Кожевниковой и Н. Мухамметшиной.

В стихотворении «...Жиргэ нигэ килгәнемне белдем» («...Смысл жизни я постигла сразу») лирическая героиня связывает познание истины бытия с любовью к избраннику.

Итак, философский мотив поиска, осознания смысла жизни в любви является сквозным мотивом в более поздней романтической лирике поэтессы. В стихотворении «Табыш» («Находка») лирическая героиня – страдающая, чувственная, одинокая – находит себя «иную» в ощущении любви. Любовь констатируется как высшая истина и смысл жизни, путь к обретению истинного себя.

Лирическая героиня ранней Иксановой, не найдя близкого человека и потеряв смысл жизни, теперь, опровергнув одиночество, счастлива от ощущений, к которым шла давно. Сейчас героиня Иксановой, по сути, уходит от экзистенциального мироощущения, более того, она опровергает все, что связано с ощущением боли. Она в гармонии со Вселенной («Мин – ярына кайткан елга» («Вошла я в берега»)), тает в мгновении, ибо каждый миг дарует ожидание нового чуда («Интим шигыр» («Интимный стих»), «Могъжиза» («Чудо»), «Мизгел» («Счастливое мгновение»)). И даже одна лишь мысль о боли наводит на нее страх. Боязнь вернуться в бездну одиночества заставляет ее страдать («Синсез яши алмам кебек» («Жить без тебя я не смогу»), «Курку» (Страх)), «Китсэм – куркам» («Уйду – боюсь, тебя потеряю»), «Бүген» («Сегодня»)).

В стихотворении «Курку» (Страх) лирическая героиня И. Иксановой будто предчувствует беду, предвосхищает неприемлемое для нее, но все же важное для духовного роста одиночество:

«Үтәр көннән куркам.
Мине сөйгән
Соңгы көнөң булса ни эшләргән?
Көтеп торса юлда бер-бер хәвеф
Йә мәкере явыз кешеләрнең» [5, с.60]
«Боюсь дня уходящего:
А вдруг он был последний
Среди счастливых дней.
Вдруг впереди невзгоды
Иль козни злых людей!» [5, с.63]

Итак, после возврата в одиночество, наступившее трагической гибели мужа в горах, в интимной романтической лирике Ильсияр Иксановой вновь обретает ярко выраженное экзистенциальное начало. В отличие от ранней лирики, сейчас героиня Иксановой опустошена,

смерть ее отнюдь не пугает, скорее она видит спасение от неизгладимой боли в реинкарнации. В стихотворении «Илдарым» («Мой Ильдар»), посвященном мужу, поэтесса обращается к мифологическим образам мотылька, огня, Млечного пути, мотиву перевоплощения:

«Тагын бер кат гомер бирсә Ходай
Тагын бер кат бу дөньяга килсәк,
Киек казлар, безгә юл сабыгыз,
Табышалмый адашыплар йөрсәк» [5, с. 30]. –
«Если вновь мы явимся на свет,
Млечный путь, ты путь нам освети!
Не блуждая долго по Земле,

Помоги друг друга нам найти!» [5, с. 31] (перевод Н. Мухамметшиной, Р. Кожевниковой.. – Г. Г.).

Мотив перевоплощения, который в татарской модернистской поэзии появился в начале XX века, для поэтессы начала XXI века новое и немного чуждое. Но суфийский символ мотылька, который летит на огонь, распространенный в восточной лирике, часто используется в татарской поэзии тоже с начала XX века: «При помощи суфийских символов Дардменд представляет движение мира как движение любви, движение к познанию» [6, с. 126]

Мотив горевания, тоски, грусти, боли становится основным содержанием всей интимной лирики И. Иксановой после трагедии 1998 года. Романтическая героиня сетует о безграничной тоске по любимому («Ачы учак» («Горькая тоска»)), безысходности, вынужденного примирения с уходом родного человека в мир иной («Китәсең...» («Уходишь»)), о судьбе, которую нельзя преодолеть («Язмыш» («Судьба»)). В стихотворении «Таулар» («Горы») структурообразующим символом становятся горы, которые представлены как грань между жизнью и смертью.

Лирическая героиня ищет способную победить боль силу, в качестве которой в первую очередь рассматривается любовь.

Итак, в начале 2000-х годов И. Иксанова вновь обращается к мотиву фатализма, на этот раз с желанием смириться с болью после потери близкого человека, родной души, по сути – желанием спасти себя. Философская модель, представленная в романтическом стихотворении «Язмыш» («Судьба»), совпадает с идеей фатализма – идеей о невозможности изменить предопределенное свыше. Жить в диалоге с законами Вселенной – истина, которая способна гармонизировать отношения между человеком и судьбой:

Влияние М. Цветаевой на поэзию И. Иксановой очевидно. Будто поэтесса, проникнув в экзистенциальный поэтический мир Цве-

таевой, еще в раннем творчестве предвосхитила трансформацию мотива одиночества в своей поэзии. Лирическая героиня Иксановой сейчас иная: она все меньше переживает боль от осознания конечности жизни, ибо жизнь не бессмысленна. Героиня полностью опровергает смерть, так как человеческая душа и любовь, которая связывает близких, вечны.

Лирическая героиня поздней Иксановой размышляет о победе над судьбой, преодолении препятствий. Если смирение героини ранней Иксановой – светлое, это божественное ощущение Вселенских законов, то здесь смирение – боль, преодоление которой должно привести к неизведанной, иной истине:

«Язымыш, диеп,
Башны аска иеп
Сыгылып төшсәң, бар ла сынаулар.
Жирдән аермый да күк катына
Алып менә ала Ак таулар» [7, с. 140]. –
«Испытаний много в жизни, если
Ты прогнулся, мол, судьба, как быть.
Горы в землю не дадут спуститься,
Коль удобно прогибаясь жить».

Итак, как и в творчестве М. Цветаевой, в поэзии И. Иксановой философская концепция мира воссоздается через мотивы судьбы, любви, смерти, одиночества. Исследователи и современники русской поэтессы отмечают, что и сама М. Цветаева писала о любви не к реально существующему человеку, а к образу, созданному ею самой. В этом их различие: экзистенциально направленная романтическая интимная лирика И. Иксановой с конца 1990-х годов посвящена ее мужу. И. Иксанова целенаправленно использует экзистенциальные мотивы: лирическое «я» поэтессы полностью растворено в любимом человеке, а лирическая героиня М. Цветаевой «находит истинную свободу в экзистенциальном одиночестве» [2, с. 14].

Говоря о влиянии творчества М. Цветаевой на поэзию И. Иксановой, делаем вывод о том, что экзистенциальные мотивы поэтесс разных времен созвучны, но не тождественны. Если у М. Цветаевой одиночество – это в том числе возможность познать себя [Там же], И. Иксанова же через все творчество опровергает одиночество, позже и смерть, к познанию истины ведет героиню через любовь и смирение.

Но следует признать, что центральным мотивом философской лирики М. Цветаевой и И. Иксановой является мотив смерти, важный и интересный философским звучанием.

Обратившись к лирике М. Цветаевой еще молодой поэтессой, И. Иксанова определила вектор своей поэзии. Философские и романтические мо-

тивы в творчестве поэтесс связали русскую и татарскую поэзию разных периодов воедино.

Список источников

1. Мескин В. А. Кризис сознания и русская проза конца XIX – начала XX века в М.: Прометей, 1997. 137 с.
2. Надикто О. О. Экзистенциальные мотивы в поэзии Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2016. 26 с.
3. Иксанова И. В. Ышанасы килә. Шигырләр. Казан. Татарстан китап нәшрияты. 1991. 111 б.
4. Загидуллина Д. Ф. Татарская поэзия рубежа XX–XXI веков (1986–2015 гг.): эстетические ориентиры и художественные поиски. Казань: Изд.-во Академии наук РТ, 2017. 268 с.
5. Иксанова И. В. Син – язган язымышым. Шигырләр (Н. Мөхәммәтшина, Р. Кожевникова тәржемәләре). Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 2003. 96 б.
6. Юсупова Н. М. Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века. Казань. Иклас, 2018. 312 с.
7. Иксанова И. Кырык кыл. Шигырләр. Казан. Татарстан китап нәшрияты. 2008. 239 б.

References

1. Meskin, V. A. (1997). *Krizis soznaniya i russkaya proza kontsa XIX – nachala XX veka* [The Crisis of Consciousness and Russian Prose of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. 137 p. Moscow, Prometheus. (In Russian)
2. Nadykto, O. O. (2016). *Ekzistentsial'nyye motivy v poezii Mariny Tsvetayevoy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Existential Motifs in the Poetry of Marina Tsvetaeva: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 26 p. (In Russian)
3. Iksanova, I. V. (1991). *Yshanasy kilä. Shigyr'lar* [I Want to Believe]. 111 p. Kazan, Tatar kit.nəshriyaty. (In Tatar)
4. Zagidullina, D. F. (2017). *Tatarskaya poeziya rubezha XX–XXI vekov (1986–2015 gg.): esteticheskiye oriyentiry i khudozhestvennyye poiski* [Tatar Poetry at the Turn of the 20th–21st Centuries (1986–2015): Aesthetic Guidelines and Artistic Searches]. 268 p. Kazan, izd.-vo Akademii nauk RT. (In Russian)
5. Iksanova, I. V. (2003). *Sin – yazgan yazмышym. Shigyr'lar* [You Are My Destiny] (N. Məkhəmmətshina, R. Kozhevnikova tər.). 96 p. Kazan, “Matbugat Yorty”. (In Tatar)
6. Yusupova, N. M. (2018). *Sistema obrazov-simvolov v tatarskoi poezii pervoy poloviny XX veka* [The System of Images-Symbols in the Tatar Poetry of the First Half of the Twentieth Century]. 312 p. Kazan. Ikhlās. (In Russian)
7. Iksanova, I. V. (2008). *Kyryk kyl. Shigyr'lar* [Forty Strings]. 239 p. Kazan, Tatar. kit. nəshriyaty. (In Tatar)

The article was submitted on 06.09.2023
Поступила в редакцию 06.09.2023

Габдуллина Гульнур Рустемовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
raniyashka1997@mail.ru, gab-gulnur@yandex.ru

Gabdullina Gulnur Rustemovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
raniyashka1997@mail.ru, gab-gulnur@yandex.ru